

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том XXXVI

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

6

МОСКВА · 1977

Е. КОСЕРИУ

(Тюбинген, ФРГ)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

0.1. Противоположность между так называемой традиционной и так называемой структурной (или «функциональной») лингвистикой, которая была столь ярко выражена 20 лет тому назад, сегодня может считаться в значительной степени преодоленной. Представители традиционной лингвистики молчаливо или открыто приняли многие понятия структурализма, структуралисты же обнаружили в традиционных направлениях истоки понятий структурализма. Выяснилось также, что предметом исследования сторонников традиции и структуралистов являются не исключающие друг друга области, а скорее языковые явления разного порядка. Историки языка теперь допускают описание языка в качестве подлинно научного обращения с ним, а описание языка дало со своей стороны много новых ценных идей для его исторического изучения: структурализм стал — если и не «историчным», то по меньшей мере «диахроничным». Кроме того, тогдашние противоречия оказались не столь глубокими, как это казалось в то время: речь, собственно говоря, шла о различных уровнях языковой структуры (норма или система языка) или о различной постановке вопроса (история языка или описание языка), которые, однако, в обоих случаях затрагивали одну и ту же сферу отдельных языков, langues.

0.2. Намного глубже противоположность, существующая между тремя направлениями, которые можно считать характерными для современного положения в лингвистике: структурно-функциональной лингвистикой, генеративно-трансформационной лингвистикой и лингвистикой текста. Лингвистика текста хотя и моложе обоих других направлений и находится в своей начальной фазе, но с теоретической точки зрения, с точки зрения постановки вопроса и своих притязаний, она должна быть поставлена наравне с ними. Различия между этими тремя направлениями намного глубже, потому что речь уже не идет о находящихся рядом или иерархически соположенных сферах какого-либо языка и потому что каждое из этих направлений в большей или меньшей мере претендует на исключительность. Структурно-функциональная лингвистика игнорирует значительную часть проблематики, которой занимается генеративно-трансформационная лингвистика, или отмечает эту проблематику как нелингвистичную; с другой стороны, ей хотелось бы подойти к проблематике текста с помощью своих категорий и методов. Генеративно-трансформационная лингвистика претендует на то, чтобы сместить структурно-функциональную лингвистику в области описания языков, а с другой стороны, она хотела бы, пусть частично, разработать правила порождения и объяснения текстов. Аналогичным образом дело обстоит и с лингвистикой текста (к которой можно отнести и различные попытки создать лингвистику, основывающуюся на ситуации), в той сте-

пени, в какой она рассматривает себя как связанный с понятием текста подход ко всем лингвистическим вопросам.

0.3. В такой ситуации нам хотелось бы, с одной стороны, прояснить теоретико-методические различия между указанными тремя направлениями, а с другой стороны, показать, как эти противоречия могут (собственно говоря, должны) быть преодолены. Для этого мы сначала проведем различия между языковыми уровнями вообще, а потом сформулируем ряд тезисов, касающихся этих уровней и одновременно трех главных направлений современной лингвистики.

1.1. Здесь нам необходимо различие речи вообще, отдельного языка и текста. В самом деле язык (language) является общей человеческой деятельностью, осуществляющейся по известным историческим традициям языковых сообществ и по индивидуальным правилам (в определенной «ситуации»). Отсюда и вытекает наше различие: язык в качестве общечеловеческой деятельности представляет собой речь; исторические традиции речи, принятые в исторически сложившихся языковых сообществах, представляют собой отдельные языки (исторические языки, диалекты и т. д.), а речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации, представляют собой текст (устный или письменный).

1.2. Хотя речь и осуществляется на основе отдельных языков, она содержит не только то, что присуще отдельным языкам, поскольку она одновременно основывается на принципах мышления и общем «знании мира» (включая мнения о «вещах»). В умозаключении *Die Franzosen sind zahlreich — Pierre ist Franzose — Pierre ist zahlreich* (букв.: Французы многочисленны; Пьер — француз; Пьер — многочислен) последнее суждение кажется «недопустимым», но не с точки зрения отдельного языка (т. е. не потому, что, как иногда полагают, прилагательное *zahlreich* не может в немецком языке быть предикативно связанным с существительным типа *Pierre*), а по общеязыковым причинам, а именно потому, что такое выражение противоречиво с логической точки зрения (оно эквивалентно утверждению «Один француз — это много французов»). Собственно говоря, «непозволительность» таких выражений, которая сама по себе не имеет ничего общего с «неправильностью» в терминах отдельного языка, касается не только немецкого, но и любого другого языка, причем абсолютно с той же точки зрения. Выражения типа «солнце», «луна», не являющиеся именами собственными, считаются индивидуальными названиями на основе общего «знания мира»; такие выражения, как «глуп, как осел», «интеллигентен, как осел», в различных общностях (не совпадающих, однако, с языковыми общностями) эквивалентны на основании мнения о «вещах». А что касается текста, то, хотя отдельные языки и реализуются в текстах, текст не обязательно должен принадлежать какому-то одному языку — достаточно распространены и многоязычные тексты. Кроме того, тексты обусловлены ситуативно, что не распространяется на отдельные языки, и они следуют «текстовым традициям», не принадлежащим отдельному языку: так, например, рассказ, сообщение и т. д. являются общими типами текста, неопределимыми в терминах отдельного языка. Поэтому «истинными» или «ложными» могут быть лишь тексты, но не языки. С точки же зрения отдельного языка, текст может быть только «правильным» или «неправильным» (т. е. соответствующим или несоответствующим традиции).

2. Наши тезисы, касающиеся трех языковых уровней и трех основных направлений современной лингвистики, будут следующими:

а) для трех уровней должны быть приняты различные функциональные категории (категории речи, категории языков, категории текста);

б) каждому уровню соответствует особый уровень языкового содержания («семантический уровень»), а именно: обозначение, значение и смысл (*designatio, significatio, sensus*);

в) три основных направления современной лингвистики соответствуют трем языковым уровням, а тем самым трем различаемым нами семантическим критериям: т. е. генеративно-трансформационная грамматика соответствует речи вообще, а тем самым обозначению; функционально-структурная лингвистика соответствует отдельным языкам, а тем самым значению; лингвистика текста соответствует тексту и тем самым смыслу;

г) три основных направления современной лингвистики являются взаимодополняющими и одинаково правомерными, если они не выходят за границы своих областей.

Ниже мы попробуем рассмотреть поближе и обосновать эти тезисы.

3.1.1. Категории речи, к сожалению, часто смешиваются с категориями отдельных языков. Так, например, функциональные категории агенса или инструмента касаются отдельных языков, и наоборот, категории инструменталиса или множественное число касаются речи вообще. В действительности каждый язык может выражать категории агенса или инструмента с помощью совершенно различных языковых категорий. Так, например, агенс может в отдельных языках предстать в качестве субъекта (*Caesar Pompeium vicit*), агента (*Pompeius a Caesare victus est*) и многих других формах. Конструкция *mit X* может выражать инструмент в немецком языке (*Hans schneidet das Brot mit dem Messer* — Ганс режет хлеб ножом), но она от этого еще не становится инструменталисом, поскольку та же самая конструкция может выражать и другие функции речи (например, *der Mann mit dem Gewehr*, *Hans geht mit Peter spazieren* — Человек с ружьем, Ганс идет с Петером гулять). Поэтому категории агенса, объекта, инструмента, множественность и т. д. должны четко отграничиваться от таких категорий, как агентив, объектив, инструменталис, множественное число и т. д. Последние существуют лишь в отдельных языках и только тогда, когда у этих языков есть особые специфические формы для их выражения. Нет никакой необходимости в том, чтобы каждый язык выражал все возможные категории речи, да еще к тому же теми же самыми языковыми категориями, это едва ли и возможно. Напротив, каждый язык выражает лишь ограниченное, характерное для него как в количественном, так и качественном отношении число категорий речи. Различные категории могут зачастую связываться с одной-единственной категорией отдельного языка, а многие другие — и опять не всегда те же самые — вообще не выражаются языками, т. е. они предоставляются контексту и ситуации общения. Так, например, латинский язык выражает множественность во фразе *homines dicunt* с помощью множественного числа, как существительного, так и глагола. Другие языки могли бы создать для выражения той же мысли такие конструкции, как *homo homo dicere*, *homo dicere dicere*, *homines dicere*, *homo dictitare*, *homo dicunt*. В таких языках или не было бы множественного числа, или оно было бы только у имени существительного или только у глагола. А если какой-то язык создаст для той же ситуации что-то вроде *homo dicere* или *homo dicit*, то в нем вообще не выражается множественность, и эта категория полностью предоставляется контексту и ситуации речи.

3.1.2. Еще меньше различия проводится между категориями текста и категориями отдельных языков. Так, говоря о способах выражения повелительного наклонения, часто включают в их число и такие выражения, как *Du sollst gehen*, *Willst du gehen?* (Тебе надо идти, Ты пойдешь?). В действительности такие выражения, как *Du sollst gehen*, *Willst du gehen*, отнюдь не выражают повелительного наклонения, являющегося категорией отдельного языка (и в отдельных языках может просто-напросто отсутствовать), они лишь подобно повелительному наклонению могут в определенных текстах выражать побуждение. Так, например, хотя вопросительные предложения в большинстве случаев и выражают вопросы, всегда необходимо в соответствии с текстом решать, вопрос ли это, так как вопросительное предложение может выражать и иные функции тек-

ста, чем вопрос (ср. итальянское *Chi lo sa* или немецкое *Wer weiss?* «Кто знает?» — как выражение сомнения). И наоборот, вопрос может выражаться иными формами, чем вопросительное предложение. Кстати, текст обладает и категориями, не имеющими выражения в отдельных языках, например ответ, возражение и т. д. Поэтому такие категории отдельных языков, как повелительное наклонение, отрицание, вопросительная форма, должны четко отличаться от категории текста: побуждение, отказ, вопрос, ответ, возражение и т. д. Текст состоит не просто из предложений, как это обычно полагают, а из предложений, выполняющих определенную текстовую функцию. Лучше сказать, что то, что выражают эти функции (и не обязательно совпадает с предложением), и является составной частью текста. Если в состав текста входит всего одно предложение, то неверно считать, что текст только из него и состоит. Он состоит из этого предложения как выразителя определенной ситуативно обусловленной функции текста. Таким образом, одно и то же предложение одного языка может выполнять совершенно различные текстовые функции.

3.2.1. Различие между обозначением, значением и смыслом соответствует различным слоям языкового содержания, которые можно обнаружить в любом речевом акте. Ведь речевой акт соотносится с «действительностью», т. е. внеязыковым фактом, с помощью определенных категорий конкретного языка и выполняет при этом определенную текстовую функцию. Обозначение — это связь с внеязыковым или само это внеязыковое, реальное или вымышленное (воображаемый факт). Значение — это содержание, которое задается языком. Смысл — это особое языковое содержание, которое через посредство обозначения и значения и помимо них выражается в определенном тексте. Так, наши приведенные выше примеры на множественность и множественное число соответствуют одному обозначению, но они имеют не одно значение, что проявляется в употреблении для этой цели латинских конструкций. Точно так же *Caesar Pompeium vicit* — *Pompeius a Caesare victus est*, *A ist grösser als B* — *B ist kleiner als A*, *La porte est fermée* — *La porte n'est pas ouverte* обозначают один и тот же внеязыковой факт, но с помощью разных значений. Наоборот, немецкая конструкция *mit X* может обозначать разные вещи с помощью одного и того же значения, поскольку различия в обозначении здесь не имеют языкового выражения, а предоставляется контексту, ситуации и тому, что мы знаем о действительности («знанию мира»). То же касается и английского *by a real artist*, *by a new technique* (это примеры Н. Хомского), так как английский язык в этом случае не проводит различия между агенсом и способом действия. Подобное можно сказать и о различии между значением и смыслом. Например, предложение «Сократ — смертен» имеет в русском языке лишь одно значение и может быть проанализировано лишь одним способом грамматикой этого языка. Однако его смысл может быть совершенно различным в зависимости от того, где мы употребляем это предложение: в силлогизме, стихотворении или в практической повседневной ситуации.

3.2.2. У значения необходимо различать прежде всего следующие разновидности.

а) Лексическое значение, соответствующее тому, что охватывается языком в окружающем мире, например значение, остающееся идентичным в ряду слов *теплый* — *тепло* — *утеплять* и отличающее этот ряд в целом от ряда *холодный* — *холод* — *охлаждать*.

б) Категориальное значение, соответствующее тому, как охватывается окружающий мир. Здесь речь идет о значении частей речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие и их подклассов. Так, слова *теплый* и *тепло* имеют одно и то же лексическое, но разное категориальное значение; *теплый* и *холодный* имеют одно категориальное, но разное лексическое значение. Слова, имеющие как лексическое, так и категориальное значение, мы называем «лексемными» словами, а слова, имеющие только

категориальное значение и не имеющие лексического (например, *я, этот, здесь, теперь*), — «категоремными» словами.

в) Инструментальное значение, т. е. значение морфем (вне зависимости от того, являются ли они отдельными словами или нет). Так, например, *-ы* в *стол-ы* имеет значение «множественности»; *der* в *der Mensch* имеет значение «актуализирующий».

г) Структурное (или «синтаксическое») значение, т. е. значение, при-сущее комбинациям лексемных или категоремных слов с морфемами в предложении, например, единственное число, множественное число, действительный залог, страдательный залог, совершенный вид, несовершенный вид и т. д.

д) Онтическое значение, т. е. бытийное значение, приписываемое явлениям, обозначаемым предложением (онтическое значение встречается только в предложении), например утвердительный, вопросительный, повелительный характер и т. д.

Различие между структурным и онтическим значением предложения в известном смысле аналогично различию между лексическим и категориальным значением слова: структурное значение предложения касается того, что обозначается, онтическое значение относится к бытийному как обозначаемому. Так, например, предложения «Иван читал книгу», «Иван не читал книгу», «Читал ли Иван книгу?» структурно одинаковы. Различно лишь их онтическое значение, так как здесь одному и тому же факту приписывается разная бытийность.

3.3.1. Порождающая трансформационная грамматика, в той форме, в какой она существует сейчас, соответствует (вопреки тому, что полагают большинство трансформационалистов, считающих, что они дают описания конкретных языков) уровню речи и обозначению. При этом безразлично, принимается ли в качестве глубинной структуры синтаксическая структура, которая должна «детерминировать» так называемое *meaning*, или же глубинная структура совпадает с *meaning* и при трансформациях исходной точкой является «семантическая» структура, поскольку *meaning*, о котором здесь идет речь, в обоих случаях представляет собой внеязыковое обозначение, содержание мышления как таковое, а не содержание мышления, оформленное в соответствии с законами конкретного языка. По этой причине считаются «синонимичными» и тем самым относимыми к одной глубинной структуре пары типа *Caesar Pompeium vicit — Pompeius a Caesare victus est*, *A ist grösser als B — B ist kleiner als A*, *La porte est ouverte — La porte n'est pas fermée*, которые в каждом отдельном случае соответствуют одному обозначению, но двум различным структурным значениям. В действительности такие пары не являются синонимичными (обладающими одним значением) с языковой точки зрения, а лишь эквивалентными с точки зрения обозначения. Они, как говорят, являются «когнитивными» синонимами: их единство основывается на конкретно обозначаемом факте или содержании мысли, т. е. оно задано вне языка. Конечно, такое единство может быть установлено и у больших групп высказываний; *Legati venerunt ut pacem peterent — Legati venerunt qui pacem peterent — Legati venerunt pacem petentes — Legati venerunt pacem petituri — Legati venerunt ad pacem petendam — Legati venerunt pacem petitum — Legati de pace venerunt — Legati pacis petendae causa venerunt* и т. д.

Напротив, трансформационная грамматика считает «многозначными», т. е. поливалентными с точки зрения *meaning*, например, конструкции, соответствующие немецкому *mit X* (*mit dem Messer, mit Hans, mit Freude*) или английскому *by X* (*by a real artist, by a new technique, by the new methods*), где мы хотя и имеем дело с различными обозначениями, но с одним структурным значением. Иначе говоря, то, что одинаково в обозначении, считается грамматически одинаковым, несмотря на разное языковое значение, а то, что различно в обозначении, считается граммати-

чески различным, несмотря на идентичность значения в языке. Итак, в каждом случае основу составляет обозначение. Единственный «метод установления фактов», применяемый трансформационной грамматикой, — парафраза — также основывается на обозначении. Хотя в трансформационной грамматике считаются двусмысленными и такие случаи, как *old men and women*, где мы действительно имеем дело с двумя значениями (*old men + women, old + men and women*), но такие случаи сводятся к комбинациям поверхностной структуры (Н. Хомский), и признается, что такие случаи могут рассматриваться и обычной «структурной грамматикой», а фактически речь всего-навсего идет о случаях синтаксического синкретизма. То же касается таких примеров, как *they are flying planes, how good meat tastes* и т. д.

Конечно, в эквивалентностях, особенно в активно-пассивной, а частично позитивно-негативной, может создаться впечатление, что эти высказывания связаны друг с другом и синтаксически (т. е. синтаксисом того или иного языка). Однако «когнитивными синонимами» являются и такие высказывания, как: «Иван — сын Петра; Петр — отец Ивана», «Аристотель был учеником Платона — Платон был учителем Аристотеля», «У него кафедра в Тюбингенском университете — Тюбингенский университет имеет его в составе своих профессоров» и даже «В моем саду скоро созреют яблоки — В моем саду яблони давно отцвели» (Унгехойер), где, очевидно, очень трудно найти одну и ту же глубинную структуру. Не много смысла и в утверждении, что в случаях *by a real artist, by a new technique* различная интерпретация связана не с внеязыковым обозначением, а с тем фактом, что хотя и говорят *a real artist painted the portrait*, но не говорят *a new technique painted the portrait*. Последние высказывания в свою очередь обусловлены лишь обозначением и в конечном итоге «знанием действительности», т. е. тем фактом, что, хотя художники обычно рисуют, техника этого не делает. Не менее ясно, что это никак не связано с английским языком, а соотносится с речью вообще.

Приведенные выше выражения типа *Caesar Pompeium vicit — Pompeius a Caesare victus est* или типа *mit X* действительно «синонимичны» (взаимозаменяемы) в речи в первой группе и поливалентны в речи во второй группе, но это не связано с отдельными языками, где имеет место противоположное явление, а происходит потому, что речь соотносима именно с обозначением. Грамматика, устанавливающая такую идентичность и такие различия, может поэтому быть только грамматикой речи, а не грамматикой отдельного языка. Правда, трансформационные правила обычно формулируются для одного языка. Однако это происходит без учета языковых функций в отдельном языке: различные функции языка приравниваются друг к другу из-за единства обозначения, а единые функции языка расщепляются из-за различия в обозначении — путь трансформационной грамматики ведет от обозначаемого содержания мышления — от *designatum* — к речи, минуя функции языков: это ономаσιологическая грамматика. Собственно говоря, здесь речь идет не о правилах языков, а о правилах речи, которая реализуется этим языком. Кстати, здесь нет необходимости ограничиваться одним языком, потому что немецкое выражение *mit dem Messer* (с инструментальным обозначением) эквивалентно не только другим немецким выражениям, таким, как *mit Hilfe eines Messers, unter Benutzung eines Messers*, но и латинскому *cultro*, русскому *ножом* и т. д. Итак, от одного и того же содержания мышления через различные трансформации можно прийти к речи на различных языках. Отсюда и происходит часто упоминавшаяся и постулируемая «универсальность» трансформационной грамматики: эта «универсальность» и существует в форме общего, заданного единством внеязыкового мира.

3.3.2. Совсем по-другому обстоит дело со структурно-функциональной лингвистикой. Эта лингвистика совершенно четко апеллирует к различию структур отдельных языков как в отношении выражения, так и в отноше-

нии значения. Даже «антисемантический» структурализм в конечном итоге апеллирует к значению, зафиксированному в отдельном языке.

Для структурно-функциональной грамматики *Caesar Pompeium vicit* и *Pompeius a Caesare victus est* не синонимичны, а различны по значению. Ее интересует не эквивалентность выражений *mit einem Messer*, *mit Hilfe eines Messers*, *unter Benutzung eines Messers* и т. д., а их различие в отдельных языках. Она не ищет парафразы, применимые лишь в связи с определенным употреблением некой формы, а те парафразы, которые применимы для всех случаев использования формы, т. е., собственно говоря, она ищет определение функций отдельных языков. Для этой грамматики такие выражения, как немецкое *mit X* или английское *by X*, ни в коей мере не являются двусмысленными или многозначными в языковом отношении, но лишь неопределенными с точки зрения обозначения. Различные возможности обозначения таких конструкций с этой точки зрения интерпретируются как «варианты» значения в речи. Иными словами, констатируется, что здесь конкретные языки не проводят различия, а предоставляют это ситуации и «знанию действительности». Единство обозначения, представляющее в трансформационной грамматике как таковое, здесь расщепляется, если оно не соответствует единой функции отдельного языка, и наоборот, то, что расщепляется в трансформационной грамматике из-за поливалентности обозначения, рассматривается как единство, если поливалентность остается в пределах одной функции этого языка. То, что хочет описать эта грамматика, в любом случае есть сам отдельный язык как парадигматическая структура на различных уровнях, а не речь на языке, которая детерминирована не только языком. Она стремится к тому, чтобы установить, как оформлены отдельные языки, а не как говорят на отдельных языках.

3.3.3. Лингвистика текста как таковая соотносится, конечно, с уровнем текста и тем самым со смыслом. Она может быть структурной или порождающей, но это лишь вопрос представления, так как структуры, которые она может установить в этом качестве, специфичны для текста и определены смыслом, а не являются структурами того или иного языка, обусловленными значением. Кстати, в тексте «означающими» (*signantia*, «*signifiants*») определенный смысл становятся не только речевые выражения как таковые, но и то, что выражено в языке как значение и обозначение (ситуация, лица и т. д.), которые тоже являются знаками.

Правда, сегодня в лингвистику текста часто включаются и исследования тех функций одного языка, которые выходят за пределы предложения, такие, как связь предложений, продолжение, предвосхищение, перечисление и т. д. («сверхфразовый анализ»), но в этом случае соотношение происходит не с текстом как с языковым уровнем вообще, а с текстом как уровнем грамматического структурирования в одном отдельно взятом языке. Такие исследования просто включаются в исследования отдельных языков, а не в лингвистику текста.

3.4. Направления в науке являются взаимодополнительными (комплементарными), если одно из них не может, основываясь на своих принципах, фундаментальных положениях и критериях, решить или даже осмысленно поставить проблемы других наук. Однако именно так обстоит дело в рассмотренных нами направлениях лингвистики.

Действительно, трансформационная грамматика не может решать проблемы, присущие структурно-функциональной лингвистике (установление и ограничение категорий и функций отдельных языков и соответствующих парадигм). Это происходит, во-первых, потому, что при рассмотрении языка, опирающемся на обозначение и исходящем из обозначения, эти категории и функции не могут проявиться как таковые. Во-вторых, дело обстоит так потому, что правила могут относиться, собственно говоря, только к операциям, а операционными в языке являются только синтагматические комбинации и процессы, которые мы называем «реаль-

ными трансформациями» (например, в случае словообразования), а не категории и функции отдельных языков, представляющие собой оппозитивные величины, которые могут рассматриваться только как мотивация правил употребления языка. С другой стороны, структурная лингвистика не может решить проблемы трансформационной грамматики; она не может их и поставить, так как обозначение соответствует уровню речи, а не отдельных языков: поэтому при таком рассмотрении языка присущие речи категории обозначения не предстают в качестве единиц, если только они не совпадают с категориями отдельных языков. В трансформационной грамматике предметом исследования становятся, собственно говоря, категории речи, а категории отдельных языков остаются на заднем плане — они молча принимаются как данность, и их выделение предоставляется интуиции. В структурно-функциональной грамматике, напротив, исследуются категории и функции отдельных языков, а категории речи предоставляются интуиции. В полной трансформационной грамматике языка единое обозначение для *mit dem Messer*, *unter Benutzung eines Messers*, *mit Hilfe eines Messers* (ножом, с использованием ножа, с помощью ножа) и т. д. будет фигурировать в одном месте, а конструкция *mit X* появится в различных местах в зависимости от рассматриваемых эквивалентностей. В то же время в структурно-функциональной грамматике функциональная единица будет фигурировать в одном месте, а различные эквивалентные способы обозначения — в разных местах. Поэтому грамматика языка должна, собственно говоря, делаться дважды: как грамматика языка в виде парадигматической системы и как грамматика речи на этом языке, т. е. как система правил для перехода от содержания мышления к речевым актам с помощью конкретного языка. На это, кстати, хотел указать уже Георг фон дер Габеленц (1891 г.), проводя различие между аналитической и синтетической грамматикой.

Точно так же трансформационная и структурно-функциональная лингвистики не могут решить проблемы лингвистики текста как таковой. Во-первых, они не могут этого сделать, потому что они в своей постановке вопроса вынуждены отвлекаться от ситуационной обусловленности текстов. Во-вторых, дело в том, что обозначение и значение выступают в тексте в качестве инструментов, служащих для выражения смысла. Однако и лингвистика текста как таковая не может решать проблемы трансформационной грамматики и структурно-функциональной лингвистики, потому что в перспективе смысла различные категории обозначения и значения часто редуцируются лишь до размеров одной функции текста, и наоборот, единые категории обозначения и значения часто разлагаются на различные функции текста. Попытки объяснения функций отдельных языков, например времен глагола, на основе текстовых форм (таких, как сообщение или рассказ), надо считать потерпевшими провал. Кстати, как мне представляется, такая постановка вопроса содержит в себе порочный круг: время не является повествовательным, так как оно употребляется в рассказах, а наоборот, оно употребляется в рассказах, так как оно благодаря своему языковому значению имеет «повествовательный» характер (т. е. пригодный для рассказа).

4. Я надеюсь, что мне удалось показать теоретическую комплементарность направлений современной лингвистики. Практическая комплементарность, т. е. разумное сотрудничество между этими направлениями, зависит, однако, от того, смогут ли лингвисты отказаться от вторжения в чужую область и от притязаний на исключительность, т. е. от того, поймут ли представители этих направлений, что хотя они и говорят об одном явлении — языке, но с различных углов зрения и на различных уровнях.

Перевод с немецкого языка.